Автор: Краснова А. (Россия)

Моя Встреча с творчеством Альбера Камю произошла в очень сложный период моей жизни, из которого я выбиралась в том числе и с помощью этой Встречи. С тех пор я снова и снова открываю для себя этого автора, каждый раз по-новому. Эти Встречи каждый раз полны для меня новых вопросов, ответов, переживаний и открытий. Можно сказать, что у меня с Камю продолжается открытый и наполненный творческий диалог — как только удается сформулировать вопрос, возникающий в ходе моей жизни, то вскоре появляется и ответ — через его произведения, в чем я ему несказанно благодарна.

Камю вошел в мою жизнь неожиданно. В тот период в моей жизни остро возникла тема самообмана — я начала обнаруживать, что мои поступки заметно расходятся с моими представлениями о самой себе. И тут мне попадается на глаза повесть А. Камю «Падение» (Камю, 2009). Признаюсь, поначалу мне приходилось заставлять себя читать, но после преодоления первых нескольких страниц постепенно стало возникать чувство заглядывания в свою собственную душу. И я уже не могла оторваться от книги до последней страницы, и с тех пор перечитывала ее не раз.

Очередной Встречей с А. Камю стало для меня знакомство с его произведениями «Посторонний» и «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» (Камю, 1990; 1998). Встречи с этими произведениями совпали с приходом тем бессмысленности, абсурда и пустоты в мою жизнь. Я бы хотела поделиться с вами открытиями, произошедшими благодаря встрече с этими творениями.

Предварительно стоит сказать о том, что с самой первой встречи с А. Камю как с экзистенциальным мыслителем меня стали волновать не только герои его художественных произведений, но и сам Камю — меня заинтересовало, о чем он задумывался, размышлял, какими вопросами задавался и как искал на них ответы. Благо он написал произведения, где говорил с читателями от своего лица, а не через художественные образы. Сами по себе поставленные им вопросы казались мне очень близкими и важными.

Можно сказать, что А. Камю вошел в мою жизнь. И с этой — экзистенциальной — позиции (Есельсон, 2011, с. 172), конечно, невозможно говорить о моей непредвзятости и академической последовательности в изучении творчества Альбера Камю. Речь скорее идет о моем отклике, важном для моей собственной жизни, на те темы, которые он затрагивал и анализировал в своих произведениях, о Встрече (Бубер, 1999, с. 24 121).

Открытие 1. Тема незаданности смысла

Одним из таких вопросов, с которыми А. Камю пришел в мою жизнь, был вопрос о смысле жизни. Причем для Камю этот вопрос неразрывно связан с темами абсурда и самоубийства (да и с темой смерти вообще). По Камю, жизнь не имеет никакого изначально заданного смысла. Как когда-то Лаплас, отвечая на вопрос Наполеона о Боге, говорил: «Сир, я в этой гипотезе не нуждаюсь», так и у Камю мы живем, обходясь без всякого смысла. Смысл возникает как порождение наших размышлений о жизни, как ответ на некоторые вопросы о ней.

Но когда мы начинаем превращать жизнь в объект и размышлять над ней, то неизбежно на чем-то фокусируемся и что-то игнорируем. И жизнь, таким образом, оказывается и шире и глубже любых наших возможностей ее познания, как личных, так и коллективных. Поэтому «в психологии, как и в логике, имеются многочисленные истины, но нет Истины» (Камю, 1990, с. 33).

Но, с другой стороны, нам часто оказывается важно искать, докапываться до причин различных про-и-с-шествий своей жизни, как и причин, ведущих к смерти. Нам часто оказывается нужным найти или построить объяснение про-и-с-ходящего.

Человек, живущий по-даосски, учится улавливать поток дао и вписываться в него; это же можно сказать о людях религиозных; то же и для большевиков, клавших свою жизнь в качестве кирпичика, элемента, кванта в мировой исторический процесс, то же и для людей потребительского общества — трудно найти человека, ведущего бессмысленную жизнь, даже если он и специально никакого смысла не ищет. «Не ищущим» людям «смысл со всей обоймой его положительных переживаний, быть может, задан культурой или передан семьей» (Золотухина-Аболина, 2002, с. 64). К какой бы культуре ни принадлежал человек, у каждого есть какие-то ориентиры, какой-то маршрутный лист, с которым он сверяет свою жизнь. И мы проделываем подчас огромную работу, чтобы построить мостик между про-и-с-ходящим в своей жизни и эти маршрутным листом.

И Камю выходит на парадокс человеческой жизни — поиск того, чего нет и быть не может. Он писал о чувстве абсурда, с которым он в своей жизни встретился: если быть последовательным в честности перед самим собой и избегать построения мыслительных

конструктов, то получится, что мы придем к этому чувству абсурда. Оно возникает на разрыве между незаданным смыслом, непознаваемым миром и нашей жаждой ясности, целостности, пылким стремлением все объяснить.

Мне близка эта мысль, так как я знаю по себе и по моим встречам с клиентами, что тревога, когда ты не в состоянии успокоить себя — пусть выдуманными, пусть иллюзорными объяснениями себя и своей жизни, — воистину может доводить до отчаяния. Требуется немалое мужество, чтобы перестать бежать от реальности и признать, что эта многогранность, противоречивость, это отсутствие опор в виде причинно-следственных связей — вот эта реальность существует и бросает вызов. С ней приходится как-то быть.

Открытие 2. Тема последовательной честности

Камю критикует Кьеркегора, Шестова и Гуссерля за то, что они, изначально последовательные в логике абсурда, потом все же по¬строили свои объяснительные конструкции, делающие бытие понятным. Он расценивает это как бегство от тревоги перед пустотой, в которой нет заданности и опор, то есть от очевидности. «Этой очевидностью является абсурд, раскол между полным желания умом и обманчивым миром, между моей ностальгией по единству и рассыпавшимся на бесчисленные осколки универсумом — противоречие, которое их объединяет. Кьеркегор упраздняет мою ностальгию, Гуссерль заново созидает универсум. Я ожидал вовсе не этого», — говорит Камю (1990, с. 50). Для него эта честность перед самим собой требует полного отказа от примирения, от сглаживания этого противоречия. Требует мужества жить в абсурде, решая вопрос собственного бытия в нем, но не успокоения в объяснительных конструкциях. И Кьеркегор, и Гуссерль, и Шестов ухватывали некий аспект бытия, некие вопросы, которые возникают перед некоторыми людьми в ходе именно их жизни. При этом сами эти мыслители не заметно для себя придавали тому, что они пишут, статус

универсальных истин — про жизнь всех и вся. Опровергая своих предшественников, они начинали увлеченно конструировать новые онтологии. Впадая в абсурд!

Замечательно важна оказалась для меня мысль Камю о том, что они фактически не решали своих центральных жизненных вопросов, убегали в построение новых универсальных конструкций от вопроса, как им быть с тревогой и отчаянием, возникающими при встрече с непостижимой иррациональностью внутри себя и вовне, в мире. И здесь Камю дает мне воистину тиллиховский ответ — стяжать мужество быть с этим, принимая данность и при этом оставаясь честным перед собой.

Открытие 3. Тема абсурдности бытия

На этом разрыве между вопрошающим человеком и молчащим, безответным миром и происходит, как чувствует Камю, встреча с абсурдом — человек, в чьей жизни обнажилось понимание бытия в его абсолютной незаданности каким-либо смыслом, становится в ней посторонним. «Абсурдно столкновение между рациональностью и исступленным желанием ясности, зов которого отдается в самых глубинах человеческой души» (Камю, 1990, с. 34).

Камю задавался вопросом: если жизнь иррациональна, непознаваема, если в ней нет никакого изначального смысла, стоит ли она того, чтобы ее проживать? Я понимаю этот вопрос. Вероятно, по-своему, но он мне близок — по Камю, каждый, кто встречался с

чувством абсурда в своей жизни, испытал вместе с этим тягу к небытию. От этого вопрос тем более обретает свою актуальность. Наш деятельный ум стремится к осмыслению, вопрошает, ищет, старается охватить необъятное, а мир молчит. И в их столкновении рождается чувство абсурда, которое Камю принимает за исходную точку, за аксиому скорее, а не за конечный вывод размышлений. Мне вспоминается здесь многострадальный Иов, который вопрошал Бога о причине своих бед и страданий — он мучился и сотрясал небеса, и дело было вовсе не в тягости самих страданий, а именно в чувстве их незаслуженности, несправедливости (можно сказать, по Камю, — в их абсурдности). Иов вопрошал о логике, приведшей его в бедственное положение. И Бог долго молчал, а когда ответил Иову, Его ответ был не о причинах, не о логике. Сердце страдальца было успокоено в смирении, а не в ясности. Так, читая Камю, я вспоминаю праведного Иова — в моей жизни есть такая болезненная тема, как несправедливость и вопрошание о ее причинах. И здесь Камю помогает мне научиться не строить иллюзий насчет причинности — она может быть не такой, как мне хочется думать, или ее вовсе может не быть, но как же велико мое искушение заняться смыслопорождением и напридумывать причин там, где их нет.

Для Камю человек так же противоречив, непознаваем, многогранен, иррационален, как и мир. Поэтому никакая логика, никакая «объясняющая психология» ничего не объясняет. «Именно такова противоречивость абсурда: противоречив индивид, желающий всего достичь и все пережить; противоречивы его суетные усилия, его бессмысленное упрямство» (Камю, 1990, с. 68 69). Таким образом, Камю делает важное заключение: быть правдивым и последовательным в своей правдивости — значит быть абсурдным, то есть не строить никаких объяснительных конструктов.

«Посторонний» как образ, иллюстрирующий вышеописанные темы

И вот перед нами главный герой «Постороннего» — Мерсо (Камю, 1998). Удивительный

в своем последовательном равнодушии человек, который не просто живет в бессмысленности собственного существования, но даже и не пытается найти в нем какой-то смысл. То есть, по Камю, — это человек, живущий в абсурде и не пытающийся от него убежать. С одной стороны, жизнь не наделена никаким изначально заданным смыслом, но, с другой стороны, ум Мерсо и не деятелен в поисках этого смысла. Он о нем не вопрошает, он просто плывет по течению этой бессмысленности, не пытаясь ничего менять. Пустота этой жизни, не наполненная ничем, ничем не прикрытая, создает лично у меня впечатление почти сознательной последовательности в бессмысленности, когда человек полностью отказывается от надежды на смысл. И Мерсо равнодушен, ему будто нет никакого дела до смысла. Возникает вопрос, кого рисует нам Камю в этом образе — последовательного «пофигиста»? Абсурдного человека, не пытающегося прикрыть бессмысленность мира каким-то смыслом и сбежать в него? Или «эстетического» человека по Кьеркегору, живущего по собственному хотению и равнодушного к другим, не обремененного никаким долгом, высшим смыслом или сознанием вечности?

Интересно, что Камю (не знаю, сознательно или нет), рисуя образ Мерсо, подкладывает нашему сознанию жирную «свинью» — он ничего не говорит нам о происхождении Мерсо. И нашему деятельному уму, пытающемуся все объяснить, найти причины и следствия, не за что зацепиться — мы не можем понять, как он сформировался в этом своем равнодушии, всегда ли он был таким или его что-то таким сделало, как его воспитывала мама, какие у него были юношеские мечты, сбылись они или нет и т.д. Так или иначе, он мудро уберег нас от искушения впасть в объяснительную психологию и построить очередной всеохватывающий конструкт, на котором мы нашли бы иллюзорное успокоение. И нам ничего не остается, как заняться более интересным и полезным делом — всмотреться в душу Мерсо такой, как она есть сейчас, принимая вещи в их реальной данности.

В «Постороннем» окружающие Мерсо люди вроде бы чем-то живут, вроде бы находят какой-то смысл в своем существовании. Например, старик Саламано. Мы знаем о нем, что женился он поздно и, в сущности, был несчастлив с женой, но сильно к ней привык. После смерти жены почувствовал себя одиноко и завел собаку (Камю, 1998, с. 348). Пока пес жил с ним, он постоянно на него ругался, злился на него и даже ненавидел, но когда пес пропал, старик настолько переживал, что, казалось, не находил себе места. По сути,

этой пропажей обнажилось то, что он держал собаку ради того, чтобы она заполняла пустоту его одиночества. Об этом говорит и ненависть к собаке, когда она была еще с ним, — собака не нужна ему была сама по себе, она раздражала его, а заботой и руганью он лишь заполнял место ушедшей из жизни жены. Да и ту он не любил, дело было просто в привычке. В чем же тогда был смысл его жизни, где ее наполненность? Пустота и бессмысленность, которые были прикрыты то женой, то собакой.

Единственный герой, который не вызывает ощущения пустоты и фальши — старик Перез, который любил умершую мать Мерсо и реально скорбел после ее смерти. Однако о нем Камю почти ничего не говорит нам. Мы знаем только, что на суде над Мерсо он дает абсолютно правдивые показания, ничего не преувеличивая и не вынося суждений. Это говорит, как мне кажется, о том, что Перез, по крайней мере, правдив и относительно собственной жизни.

Так вот, люди, окружавшие Мерсо, бежали от бессмысленности и пустоты своей жизни кто куда. В отличие от них наш главный герой отличался в этом вопросе последовательной правдивостью. Он не притворялся и не лгал, что скорбит об умершей матери, о том, что любит Мари, о том, что ему важна карьера и т.д. Он не прикрывал свое равнодушие. Но было ли окружающим легче от его правдиво¬сти? И много ли людей по-настоящему скорбят о смерти своих матерей? Ну, если не матерей, то других своих родственников? И мно¬го ли людей признаются в своем равнодушии, хотя действительно равнодушны?..

Правдивость Мерсо стоила ему жизни. По той простой причине, что люди не в состоянии признать сами в себе свое равнодушие и бессмысленность собственного существования. Честный взгляд на описываемый Камю суд над Мерсо приводит нас к пониманию того, что Мерсо, по сути, осудили не за убийство, а за равнодушие. Адвокат, пытающийся прикрыть поступок Мерсо хоть каким-то мотивом, с ужасом сталкивается с его

правдивостью и едва ли может принять полное отсутствие какого-либо вразумительного мотива и полного отсутствия раскаяния, осознания своей вины, в чем Мерсо, опять-таки, не лжет и ничем не прикрывает эту, в общем-то, порицаемую обществом позицию.

Мерсо и не пытается подстроиться под общество. В сущности, ему нет до этого общества никакого дела. Он не протестует, не вступает в сознательную конфронтацию, не борется с общественными нормами — ничего подобного, что привычно оправдывало бы в моральном плане нарушение общественных норм. Мерсо даже не понимает, что в нем так раздражает людей и вызывает неприятие.

При этом общество предстает перед нами в картине расследования и суда над Мерсо во всей своей абсурдности. Люди лишь играют свои роли, надевая маски, но не являясь теми, за кого себя выдают. Следователь, который вроде бы должен исследовать обстоятельства преступления и личность преступника, на самом деле не делает ни единой попытки понять мотивы Мерсо. Он просто «шьет дело». Журналисты, присутствовавшие на суде, не пытаются представить дело в его реальности, чтобы сообщить о нем в местной газете правдиво и точно, а приходят за очередной «жареной» новостью, когда в городе затишье и надо чем-то увлечь скучающего читателя. И так далее. Мы видим не деятельность, а ее имитацию людьми.

Однако же это общество, которое живет имитацией, можно сказать игрой во всамделешность, в пустоте, которую оно этой игрой прикрывает, судит Мерсо даже не за реальный факт убийства, а за его равнодушие, ничем не прикрытое, — у них-то оно прикрыто имитацией. До самого Мерсо, по сути, никому нет дела. Разве что отчасти священнику, который приходил к Мерсо уже после вынесения ему приговора. Он единственный, кто смог вызвать у нашего последовательного «пофигиста» и «эстета» настоящие сильные чувства, которые прорвались у Мерсо наружу даже неожиданно для него самого. Гнев Мерсо на слова священника — чем он вызван? Доселе равнодушный,

он вдруг взрывается и обрушивает свой гнев на человека, который пришел призывать его к высшей цели, к Богу. А у Мерсо нет надежды на вечность, есть только эта земная жизнь, которую он знает. Он говорит: «Но я уверен в себе и во всем, куда уверенней, чем он, я уверен, что жив и что скоро умру» (Камю, 1998, с. 395).

И тут Камю как художник начинает противоречить Камю-философу. Камю-художник создает образ Мерсо. Этот Мерсо — типичный эстетический человек, по Кьеркегору. Это человек, наслаждающийся тем, что преподносит ему судьба, ибо завтра или через сорок лет все равно придет смерть и все сравняет на своем пути. Живя так, вряд ли можно испытывать стыд, чувство вины, переживать раскаяние. Мерсо после убийства араба не испытывал вину, а разве только досаду, что теперь он получается преступником и может быть осужден. Осуждение на смерть для него неожиданно — он рассчитывал прожить дольше. И священника с его верой в Бога он причисляет к тем, кто против него, кто причастен к его осуждению и кто его осудил, заполняя этим пустоту и бессмысленность своей жизни. И Мерсо совершает подмену, подменив объект для гнева, заполнив пустоту и бессмысленность самого гнева. Камю-художник создает нам цельный и совершенно неабсурдный образ, во всяком случае, не более абсурдный, чем образ лермонтовского Печорина.

При описании совершенного Мерсо убийства араба Камю снова подкладывает нашему проницательному уму «свинью» — он не дает нам зацепок, чтобы мы могли до конца объяснить его. Оно не выглядит необходимым, обоснованным, логически выводимым из обстоятельств жизни Мерсо, оно не вытекало ни из его целей, замыслов, идей, ни из долга, ни из реальной угрозы для его жизни, ни из стремления к наживе, ни из мести, ни из ревности, ни из каких-либо других шаблонов, использующихся для понимания мотивов преступлений. Опять ловушка для нашего деятельного ума, не представляющего себе мира без причин и следствий.

Итак, с одной стороны, получается, что Мерсо приносится в жертву обществом, которое не приемлет такого открытого равнодушия, такой зияющей пустоты. А с другой стороны, в этом логика его жизни от Камю-философа: абсурдная, то есть последовательная в своей бессмысленности и пустоте, жизнь — абсурдное убийство — абсурдное осуждение — абсурдная смерть. И сама логика такой жизни — логика абсурда, когда от него не прячутся, с ним не борются, его не преодолевают — убивает Мерсо.

Против чего же протестовал Камю? И мне видится в его творчестве — протест против умствования, построения интеллектуальных конструктов, призванных объяснить необъяснимое, объять необъятное, постичь непостижимое. И провозглашающий абсурдность жизни Камю не может быть назван убийцей надежды на смысл. Он лишь предостерегает нас от поверхностности и скоропалительности, он дает нам возможность увидеть непостижимую глубину жизни, хотя она может пугать своей незаданностью, своим равнодушным молчанием на наши вопрошания и на наши претензии на возможность познания. Мерсо равнодушен так же, как равнодушен мир к нашим претензиям на его познание. Ему все равно, какими конструктами мы его наделяем. Но мы часто, так же как и общество в «Постороннем», оказываемся не в состоянии принять эту правду, с которой мы сталкиваемся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М., 1999. С. 24-121.

2. Есельсон С. Радикальное экзистенциальное мировоззрение (заметки) // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2011. № 2 (19). С. 163 173.

3. Золотухина-Аболина Е.В. О чувстве смысла // Экзистенциальная традиция:

философия, психология, психотерапия. 2002. № 1 (1). С. 65 81.

4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Бунтующий человек. М., 1990. С. 23-100.

5. Камю А. Падение: повесть / Пер. с фр. Н. Немчиновой. М., 2009.

6. Камю А. Посторонний // Камю А. Сочинения: В 5 т. Т. 1. Харьков, 1998. С. 319-398.